

Елена Тюрина

16+

Айка

Елена Андреевна Тюриня

Айка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68195974

SelfPub; 2022

Аннотация

У каждого старого дома есть своя память, своя боль и своя тайна. Иногда загадочная, иногда мистическая, а порой жуткая. Журналистка Маргарита вместе с сыном Пашкой приезжает в маленький посёлок и поселяется в одном из таких домов. Местные поговаривают, что дом проклят. Дикая собачий лай ночью сменяется на мертвую тишину днём. Чьи-то шаги в темноте, шорохи, скрежеты будоражат воображение и даже самого закоренелого скептика вынудят поверить в потустороннее. Какую тайну много лет хранит в себе старый дом? Кто знает, куда он заведёт героиню – в тёмный подвал или в прошлое?

Елена Тюрина

Айка

Дом оказался вовсе не таким, каким Марго его себе представляла. Её воображение рисовало простенькую деревянную избу, покосившуюся, с трещинами в стенах и дырявой крышей. А тут целое имение! Журналистка вышла из внедорожника, и решительно направилась к зданию. С виду большой, добротный дом. Колоритный. Резные, богато украшенные наличники, карнизы, мезонин, а по стене густо вьётся дикий виноград.

Один вид этого места завораживал. Молодая женщина стояла и смотрела на него, пока раздавшийся за спиной хлопок не заставил вздрогнуть.

– Пашка! Напугал! – воскликнула она. – Сколько раз говорила, не надо так сильно дверьми бахать!

– Что, приехали, наконец-то? – спросил мальчик.

Выбравшись из машины, он сонно тёр глаза. Сын почти всю дорогу не давал ей покоя своими расспросами, а под конец пути заснул. Не удивительно, ведь добираться в эти места оказалось долго и тяжело. Дорога извилистая, можно заблудиться.

Поселком сей населённый пункт назвать трудно. Всё, что от него осталось – глухой хутор в три двора. Несколько стариков тут доживают. И вот их с ребёнком нелёгкая принесла.

А всё из-за её редактора. Осенила того «гениальная» идея разнообразить материал новой рубрикой о маленьких, забытых Богом уголках региона, и людях, что там проживают. Радеет руководитель газеты за будущее таких вот мест. Хочет привлечь к ним внимание. Авось какой меценат заинтересуется местными достопримечательностями и решит, например, в глухой деревеньке эко-поселение основать, ферму открыть, развивать сельский туризм. Нынче весьма перспективное направление. Надо же где-то обитателям мегаполисов отдыхать от городской суеты и наслаждаться природой.

Здесь вроде как ещё в царские времена были шикарные охотничьи угодья и содержались какие-то очень редкие борзые собаки. Разводил их якобы местный аристократ. Какой интерес может представлять эта информация для нынешних богачей, Марго пока понятия не имела. Ей предстояло пожить тут какое-то время, собрать информацию о посёлке, пофотографировать, пообщаться с местными. А сына не с кем оставить. Так вышло, что ни мужа, ни бабушек-дедушек нет. Это долгая история. Так что в очередной раз потянула с собой. Пашка привык с ней по командировкам мотаться. Ему всего шесть, а уже много где побывал.

Дом, расположенный в столь живописном уголке на краю посёлка, им предоставила администрация. Гостиниц тут, конечно же, не имелось, а до ближайшего небольшого городка чуть больше часа езды. Марго рассчитывала за пару дней управиться. Считала, что здесь информации для стоящего

материала не собрать. Отчитается перед шефом, что съездила. Снимки покажет. Может он и отвяжется. Очевидно же, что идея изначально провальная. Марго невольно улыбнулась, представив растерянное лицо редактора, когда он вынужден будет признать, что она права и эта рубрика бесперспективна.

– Пойдём внутрь, посмотрим, что там, – журналистка мотнула головой в сторону крыльца в три широких ступени.

Над ними нависал козырёк, украшенный покрывшимися от времени рыжиной коваными завитками. Вход украшали такие же перила. Наверное, кто-то из последних хозяев приделал, потому что слишком уж современно смотрелось.

Пока не понятно было, нравится ей тут или нет. Марго с упоением вдыхала свежий воздух и вслушивалась в звенящую тишину. Была в таких вот деревеньках какая-то особая романтика. А ночами небо за городом всегда такое бесконечное, звездное... Она уже предвкушала, как будет любоваться этой красотой.

Пока шли, Пашка неуверенно жался в ней. Обычно он парень бойкий, впереди всех бежит.

– Интересно, тут есть приведения? – вдруг спросил мальчик.

– Паш, – Марго засмеялась. – Ну и вопросы! Такой большой, а веришь в подобную ерунду.

По правде говоря, ей самой в этой Тьмутаракани было неудобно. Вспомнилось, как её шеф Сан Саныч их с Пашкой

благословлял на эту поездку.

– На машине в пятницу вечером доедешь часа за два-три. Но зато масса положительных моментов. Воздух – чудо, река – на глубине двух метров видно всё до мельчайшего камушка. Рыбалка, грибочки... И по поводу местного контингента – осталось два мужика, тихих алкоголика. Абсолютно не агрессивных. И бабулек человека три-четыре. Посторонних нет никого, двери там в принципе не закрывают.

Перспективы, скажем прямо, так себе. Марго такими прелестями не соблазнить. Ехала и вздыхала. Оказалось, чтобы попасть в эту деревушку, надо проехать по грузовому мостику через речушку. Кстати, тот ещё экстрим. Мостик без перил. Всё время казалось, что машина обязательно свалится. После мостика надо взобраться на горку, а потом ещё метров пятьсот по кривой дороге, покрытой колдобинами, и, наконец, вот он – этот заросший участок, в конце которого стоит дом.

Было пасмурно, моросил дождь. Дорога превратилась в жидкое месиво. Пока они ехали на своём «танке», несколько сонных старушек вышли, чтобы посмотреть, проедут или нет. Называется – цирк приехал.

В доме стоял затхлый запах давно не проветриваемого помещения и старых вещей. К слову, по дороге им попадалось немало брошенных домов, из которых жизнь ушла навечно. Большинство совсем развалились. Да и этот, хоть и внешне красивый, впечатление производил совершенно грустное.

Тоска здесь какая-то охватывала. В совокупности с погодой всё это вызывало чувство безысходности и даже обречённости.

Огромная русская печь с лежанкой, несколько старых шкафов-буфетов, и ещё почему-то много детских игрушек на полках – вот что увидели гости, войдя в это так давно не посещаемое человеком жилище. Главное, что внутри было сухо. И вроде бы не холодно. От вида игрушек стало особенно не по себе. Словно тут вот-вот раздастся детский смех. Но в такой обстановке этот звук казался бы до крайности жутким.

В целом дом и внутри выглядел весьма презентабельно и оказался достаточно чистым. Скорее всего, к их приезду здесь прибрались по распоряжению главы поссовета. Марго радовалась, что мобильная связь работала хорошо. А вот интернета не было, но это не беда.

Не известно, какая тут ситуация с водой, поэтому Марго взяла с собой несколько пятилитровых пластиковых бутылок. А ещё кучу еды – консервы, печенье, хлебцы, соки и быстрорастворимые каши. Почти всё это можно было хранить без холодильника. Вроде бы где-то в посёлке имелся магазин. Марго решила завтра туда наведаться. Как раз и с местными пообщается.

В доме было две больших комнаты, кухня и две маленьких комнатушки. Одна из которых, судя по обстановке, раньше служила детской.

На всякий случай Марго протёрла полы и мебель специальным антибактериальным средством. Они с сыном занесли в дом припасы и немного перекусили. Бегать и играть Пашку не тянуло. Обойти дом и участок вместе с мамой он тоже отказался, и вскоре заснул. Должно быть, дорога и новые впечатления слишком утомили мальчика.

Почему-то Марго тоже инстинктивно старалась не шуметь. Будто боялась нарушить поселившуюся здесь тишину, потревожить дом. Он много лет слушал людскую возню, ссоры, смех, разговоры. И теперь заслуживает покоя.

Она старалась себя не накручивать. Но когда ходила по дому, осматривала его, создавалось впечатление, что он за ней наблюдает. Постоянное ощущение этого наблюдения начиналось с самого порога и не покидало, пока не выйдешь.

Марго привыкла ложиться поздно. Поэтому вечером молодая женщина долго сидела на скамейке у крыльца и пила кофе. Темнота, туман, угрюмые пейзажи. Ни щебета птиц, ни других привычных звуков не слышно. Создавалось впечатление, что вместе с людьми отсюда ушло всё. Нет, это место ей определённо не нравилось. Жутко тут было. Но почему – Марго не могла себе объяснить.

Ночью она спала плохо. Периодически слышался разногласный лай, то далёкий и глухой, то у самого дома. Марго не могла понять, снится ей это или собаки лают наяву. Должно быть, она слишком много думала о том помещике с его собаками. Настолько прониклась темой, что даже снится теперь.

Посреди ночи Пашка расплакался. Она взяла его к себе в постель. Мальчик признался, что боится. Сказал, будто кто-то есть в доме. Топают, шуршит, тихонько за руку его трогает. Конечно, Марго списала всё на бурную детскую фантазию. Но, учитывая антураж местности, от рассказов сына у неё мороз пробежал по коже. Успокаивала его, говорила, что всё это ему снится, и нет ничего страшного в доме. А заодно и саму себя пыталась уверить. Но сколько не убеждала, что это всё ерунда, сын твердил, мол, дом плохой. Марго задумалась. В детстве она часто слышала от друзей какие-нибудь страшные истории. Кто-то говорил, что видел домового, кто-то – духов. И её удивляло, какие у большинства недоверчивые родственники. Никто никогда не верил в эти детские видения. Сама Марго была уверена, что случись что-то подобное с ней, её родители точно поверили бы. Такое нельзя пропускать мимо ушей. Хорошо, если это просто разыгравшееся детское воображение. А если на самом деле ребёнок видел нечто странное? Зрительные галлюцинации могут быть симптомами серьёзных заболеваний. В их случае, она надеялась, ни о чём таком речь не шла. И всё же решила выяснить, что сможет.

Утром они с сыном, позавтракав на скорую руку, отправились к магазину. Идти нужно было пару километров. Марго пыталась делать вид, что ей весело. Шутила, отвлекала Пашку. А он всё спрашивал, когда же домой. Нужно было ехать на машине. Зря она решила прогуляться.

Вскоре они нагнали старушку. Та шла медленно, тяжело опираясь на тросточку. Марго вежливо поздоровалась.

– А, это вы в Айкином доме поселились? – заметила бабушка.

– В чьём? – удивлённо уточнила Марго.

– В Айкином. Его так все называют.

– А почему?

– Ой, долго рассказывать, – отмахнулась пожилая женщина.

– Так нам всё равно идти ещё минут двадцать. Вы же тоже в магазин?

– Ага. Ну, так и быть, расскажу.

Видно было, что бабушке и самой хотелось поговорить.

– Правда, ничего особенного, – пожала она плечами. – Так, выдумки. Говорят, этот дом когда-то местному помещику принадлежал. Тот собак разводил. Буквально помешан на них был. Продавал, покупал. Якобы даже к царскому двору своих щенков поставлял. А потом война, революция. Ну и отобрали у него всё, что нажил. Псарня сгорела вместе с животными, хозяйские постройки тоже. А дом уцелел. Но вроде как богач тот его проклял. Долго там никто толком не жил. Только поселяться, и быстренько уезжают. А потом, уже после Великой Отечественной, переехала туда молодая семья. Пожили пару лет и родилась у них девочка. Но долго они её от всех скрывали. Врачей у нас тут и тогда не было. Дитё в район возили. Мужчина, отец ребёнка, работал глав-

ным инженером на крупном металлургическом комбинате в городе неподалёку. То есть личность уважаемая. Нареканий в сторону их семейства никогда не было. И связи имелись. А вот сколько не бились, но никто с дитём решить проблему не помог.

Старушка остановилась, перевела дух. Марго с Пашкой тоже стали рядом. Ждали продолжения. Мальчик крепко сжимал руку матери, поглядывая на неё напряжённо.

– Потом девчонка подросла. Подвижная, приткая. В доме ей не сиделось. Выбегала на улицу гулять, – продолжала пожилая женщина. – И как не пытались её родители утаить правду, а люди вскоре заметили, что лицо у неё обезображено каким-то оскалом. Словно собачья морда, а не обличье человеческое. И кашляет, как шибко разыграется. Визгливо так, лающе. Пошёл шёпот по деревне, что вот и сбылось проклятие помещика. Ребёнок-собака родился. Нашлись и те, кто выдумывал слухи, будто девочку на самом деле родила не женщина, а сука, что у дома на привязи сидела. Местная детвора с ней водиться совсем не желала. Боялись её, смеялись, издевались. В те годы тут детишек много было, не то, что сейчас. Прозвали несчастную Айкой за то, что она порой бегала-прыгала, а потом вдруг хваталась за грудь с криком «Ай!» и закашливалась.

– А как её звали на самом деле? – спросила поражённая этим рассказом Марго.

– Да кто ж её знает. Не помнит никто. Может где-то в по-

ссвете документы какие сохранились.

– А потом что с ней стало?

– Пропала. Лет пять-шесть ей тогда было. Вроде как в лес ушла и её так и не нашли. Они потом уехали, а дом так и пустовал с тех пор. Пытались туда людей заселять, но никто не захотел жить, хотя дом вон какой добротный. Один мужик всё ездил, ремонт собирался сделать. Крыльцо отремонтировал. Но всё равно так и не сложилось что-то. Сколько лет уже стоит пустой и хоть бы что ему.

Марго догадалась, что у ребёнка была астма, а лицо, скорее всего, обезобразили «заячья губа» или «волчья пасть». Сейчас это успешно лечится, и девочка имела бы все шансы вырасти здоровой. Но тогда, в послевоенное время, да ещё и в деревне... Она с рождения уже была обречена.

Возможно Марго сразу, как услышала эту жуткую историю, следовало собрать вещи и убраться оттуда. Но она не верила в мистику. Ну, случилось и случилось. Уже столько времени с тех пор прошло! Мало ли что где происходило. Тем более в деревне такие истории всегда обрастают устрашающими подробностями, а с годами, передаваясь из уст в уста, и вовсе перекручиваются. Было ли всё так на самом деле – большой вопрос. Вон ей в детстве бабушка рассказывала, как у них в сарае змея завелась. Стали замечать, что у коровы на утро вымя пустое. Давай разбираться, кто виновник. Дед выследил эту дрянь. Оказалось – полоз. Огромный, метра два длиной и толщиной в руку. Так дед сказал. Это

сейчас Марго знает, что никакое молоко тот полоз высосать в принципе не мог, ведь у змей даже губ нет. А тогда верила и с ужасом представляла описываемые бабушкой события. Народ в деревнях часто малообразован и суеверен, потому и верит в подобные дикости, – думала молодая женщина.

Уехать, конечно, можно было бы. Но куда уезжать, если она ещё ничего толком не узнала, никакую информацию не собрала? С чем она к шефу явится?

Ночью снова усилилось беспокойство, поселившееся в душе с приездом сюда. Около полуночи Марго задремала, или скорее провалилась в беспокойное забытё. Приснился страшный сон, будто из детской буквально облаком накрыло её запахом каких-то лекарств. Дверь скрипнула. И шаги. Торопливые, частые. Шаги ребенка. Господи боже! Марго ужасно перепугалась. Она села на кровати, обняв колени и зажмурившись. Мысленно молила: «Пожалуйста, пожалуйста, маленькая, не выходи! Не трогай нас!» Кровь в жилах стыла, дыхание спёрло. Она так и сидела в оцепенении какое-то время.

Когда видение исчезло, Марго ещё долго ворочалась. Заснула тревожным сном только под утро и всего на несколько часов. А потом всё не могла понять, что это было ночью – сон или пограничное состояние? Может просто мозг вытворял чудеса и ничего такого в реальности не происходило? Хотя раньше она у себя подобных видений не замечала. С психикой всегда всё было нормально. И в роду у них шизо-

фреников не имелось.

После беспокойной ночи состояние было чумное, будто и не спала совсем. Глухая боль в висках чувствовалась, усталость, а от того и полнейшее отсутствие настроения и энтузиазма. А вот сын ничего не слышал. По крайней мере, утром ни о чём таком не рассказывал и вёл себя как обычно. Даже перестал жаловаться, что ему страшно, и просить уехать.

Днём Пашка задремал на диване в гостиной, а Марго отправилась на кухню – самое светлое помещение в этом сером унылом доме. В какой-то момент невольно скользнула взглядом по своему отражению в громоздком овальном зеркале с тяжёлой деревянной рамой. Ну и лицо! За эти два дня лет на десять постарела! Взгляд стал затравленным, движения нервными.

Расположилась за столом у окна и занялась работой. Достала планшет, стала набирать материал, который пока удалось наскрести. Дела всегда помогают отвлечься от дурных мыслей. Журналистка напечатала на компактной клавиатуре для планшета начало статьи и задумалась. Постучала ногтями по клеёнке, обтягивавшей столешницу. По углам её прочно удерживали ржавые гвоздики. Кое-где на ней зияли дыры и мелкие трещинки. В одну из таких палец и угодил. Края порвавшейся клеёнки, когда-то имевшей фиалковый цвет и рисунок в крупную клетку, завернулись, и под ней виднелся кусочек цветной бумаги. Кажется, открытка или календарик. Интересно, за какой год? Марго попробовала припод-

нять клеёнку, но та была натянута довольно туго и грозила порваться. Тогда молодая женщина взяла нож и осторожно подсунула в щель между клеёнкой и столом. С его помощью подвинула открытку к краю и вытащила за уголок. Это и правда была именно открытка. Старенькая, советская, пожелтевшая, с разводами и пятнами. На ней были изображены цветы и написано «Поздравляем!». Марго перевернула её обратной стороной. Там чьим-то аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено: «Поздравляем вас, дорогие наши Пётр и Зинаида, с рождением дочки Валеньки! Ваши друзья Николай и Наталья Паршины» Датировалось послание 1949 годом. Может быть, речь шла как раз о той девчужке, рассказ о которой так поразил сегодня их с сыном? Значит, звали её Валеёй... Марго вздохнула.

Вдруг тишину разорвал крик: «Мама! Мама!» Пашка? Он же спит! Молодой женщине показалось, что кричали с улицы. Поднялась, подошла к окну. Но снаружи никого не было видно. Поглядела на часы – почти три часа дня. Ещё раз бросила взгляд в окно – пусто. Снова погрузилась в работу и зов повторился. Голос был детский. Но то, что это кричал именно Пашка, Марго не была уверена. В раздумьях вышла на порог. Вспомнилось про то, как когда-то давно они с родителями гостили у родственников в сибирской глуши. И там она услышала, что есть такое в народе суеверие. Говорят, если слышишь крик, а никого рядом нет, то это называется «беда позвала». Зов беды слышит только тот, кому он адресован.

Крик раздаётся как бы у человека в голове. И главное на него не откликаться. Тут Марго спохватилась. Она-то, получает-ся, откликнулась! Вышла на зов!

На неё разом обрушилось ощущение грядущего несчастья, тяжесть осознания того, что сейчас что-то будет. А в таком месте вариантов развития событий мозг подкидывал немало. Молодую женщину обуял сильнейший из страхов – страх перед неизвестностью.

Журналистка ринулась в гостиную. Ребёнка на диване не было. Марго, стараясь держать себя в руках, отправилась искать мальчика по дому. Вышла во двор. Кричала, звала. Но никто не отзывался. Обеспокоенную мать начала охватывать паника. Она ещё раз осмотрела весь дом, и ничего.

Потом помчалась снова на улицу, поднялась на небольшую возвышенность. Может быть, оттуда будет видно играющего где-нибудь мальчика. Марго стояла на пригорке, растерянно оглядывая окрестности. Ноги утопали в липкой грязи. Темнело и начинал подниматься ветер. Деревья и кусты превращались в бесформенные тени. Кое-где в домах стали зажигать свет.

– Паша! Пашка! – выкрикнула она, стараясь не давать воли нервам.

Но в ответ ничего. Сердце молодой женщины ледяной рукой сжало отчаяние. Страх за сына сковывал и движения, и способность думать. Бежать? Искать? Но куда? Где?

Мать металась, как раненная волчица. То к дому, то от

него по округе. Решила заглянуть на чердак и спуститься в подвал. Что если ребёнок там, и с ним что-нибудь случилось?

В погребе, подсвечивая себе телефоном, осмотрелась. Куча хлама, перевёрнутая детская цинковая ванночка, покрытые густым слоем пыли коробки, ящики, полки с консервацией. А в дальнем углу что-то вроде холмика, испещрённого небольшими чёрными дырами. Много-много чёрных дыр. Старые крысиные норы? У стены стояли потемневшие от времени черенки для лопат и грабель. И несколько целых лопат. Марго взяла одну, копнула землю в том месте. Совсем неглубоко копнула, скорее, просто пошевелила рыхлую бесформенную кучу. И поняла, что перед ней детские останки.

Первая реакция – оторопь, холодный вязкий ужас, тошнота. Журналистка не помнила, как вызывала полицию. Скомкано объясняла что-то про исчезнувшего сына и про кости в подвале. Приехали полицейские. Местное население тоже подтянулось. Все собрались у дома, спрашивали друг у друга, что произошло, делились собственными домыслами. Вот так и нашлась Айка, девочка, которая якобы потерялась в лесу.

Напряжение этих нескольких часов было невыносимым. Марго, несмотря на то, что вокруг маячили люди, чувствовала себя совершенно одинокой и разбитой. Все вокруг суетились, а она устало сидела на ступенях дома. Снова заморосил дождь. Найдётся ли её собственный сын живым и невреди-

мым? В мозгу билась одна мысль – его увела девочка. Оди-
нокая девочка, которой нужен был друг.